

*Михаил Лабащук**

ИДИОЛЕКТНАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

На фоне современных преимущественно социологических теорий языка (языка как социолекта) уже давно является актуальным создание теории языковой личности (то есть теории идиолекта). Отсутствие в прошедшем веке теории идиолекта тем менее оправдывается, что ее основы были заложены еще в начале XX века Ф. де Соссюром, И. Бодуэном де Куртене, а несколько позже представителями разных школ в психологии и психолингвистике. Монография Олега Лещака *Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология* (Тернополь 2008) представляет собой такую актуальную, то есть востребованную на данный момент, теорию языковой личности.

Стержнем предлагаемой теории является лингвосемиотическая гипотеза изоморфности языкового и внеязыкового опытов. Эта гипотеза может показаться одновременно и новаторской, и тривиальной. Тривиальность (которая на самом деле является иллюзорной) состоит в том, что гипотеза изоморфности определенным образом соответствует тому, что в традиционном восприятии (широко распространенном даже в научной среде) языковая и внеязыковая деятельность в отношении их вербальных и рационально-образных аспектов практически не различаются. Поэтому под таким взглядом гипотеза изоморфности может казаться традиционной. Однако новаторство исследования состоит в том, что исследование вначале последовательно разделяет языковые и внеязыковые аспекты и лишь затем на основании типологических структурных и прагматических различий и сходств отмечает их изоморфность.

Как можно судить по содержанию, автор исследования предполагает в продолжении монографии представить типологический анализ отдельных предварительно выделенных сфер опытной деятельности современного человека и форм их лингвосемиотического проявления. По предмету исследования данную монографию можно с полным основанием назвать

* Лодзинский университет.

антропологическим исследованием, поскольку перед читателем постепенно и последовательно предстает картина внешней и внутренней деятельности человека во всей сложности и многообразии их проявлений. Причем, в исследовании представлена картина именно деятельности человека, а не сущности человека, поскольку автор акцентированно избегает употребления категории «сущность», которая в традиционном обыденном и научно-философском употреблении ассоциирована с метафизическим (реалистическим), ноуменологическим содержанием.

О. Лещак предлагает выделять в целостности человеческого опыта шесть основных сфер: быт, деловую (экономическую) жизнь, социально-этическую (общественную) жизнь, науку, искусство и философию, каждая из которых имеет две разновидности реализации – личностную и публичную. Хорошо заметно, что они корреспондируют с выделяемыми и широко известными в семиотике языка пятью функциональными стилями языка. Выделение сферы философии (как шестой сферы общего опыта по отношению к пяти стилям языка) нарушает принцип изоморфности языкового и внеязыкового опытов. В целом, тем не менее, это не меняет общей картины изоморфности опыта, так как, во-первых, имеет свое оправдание, а, во-вторых, может стимулировать обоснование философского функционального стиля в языке.

Автор в исследовании последовательно проводит понимание того, что с онтологической стороны язык вторичен, является отражением опыта и средством обслуживания предметно-мыслительной деятельности, а также средством регуляции социальных отношений, однако с гносеологической стороны язык является главной формой осознания опыта. «Не человеческий опыт является частью языка, а язык – существенной, но лишь частью человеческого опыта. Не опыт является языковым по своей онтологической сути, а язык обладает опытным характером» (с. 188). Привлекательной особенностью авторской типологизации опыта является то, что она не противопоставляет типы личности по сферам деятельности, а рассматривает их как комплиментарные функции в пределах целостного человеческого опыта. «Каждый из нас иногда бывает экономическим человеком, иногда – теоретическим, иногда – философским, иногда – общественно-политическим, иногда – эстетическим, и практически всегда остается бытовым (обыденным) человеком» (с.190).

Полнота, глобальность представленной теории опыта хорошо отражается в принципе сферической типологии опыта – типологизируемое пространство опыта представлено в виде сферы. Конечно же, в соответствии с методологией прагматизма это не сам опыт как он есть, но «трансцендентальная концепция объяснения понимания опыта исследователем (с. 104)». В основание типологизации опыта положены три измерения опыта. Это следующие три взаимно пересекающиеся типологические

шкалы: объектная шкала «реальность – виртуальность»; объектно-субъектная шкала «рациональность – эмоциональность» и чисто субъектная шкала «индивидуальность – социальность опыта».

Первая шкала (схематически она представлена в виде вертикали) отражает, говоря наиболее обобщенно, противопоставление практики и теории. В соответствии с этим критерием все сферы опыта условно разделяются на реальные и виртуальные. К реальным относятся витальная сфера (быт), общественная жизнь (этико-политическая, публичная, то есть досуг) и деловая жизнь. К виртуальным сферам относятся наука, искусство и философия. В крайнем своем проявлении эта шкала представляет оппозиции физиологического бытия и духовного бытия. Поэтому полюсами на ней принимаются физиологический рефлекс (чувственный опыт) и разумная интуиция (трансценденция). Между этими полюсами (по мере усиления внешнего физиологического опыта и внутреннего мыслительного опыта) автор определяет сферу эзотерического опыта. Таким опытом является магия – сфера ядерного синкретизма. Именно в этом типе деятельности полностью нивелируется – в понимании автора – глобальный дуализм человеческого опыта.

Вторая шкала (схематически она представлена в виде горизонтали) отражает идею двунаправленности опыта на рациональную и эмоциональную рефлексию. Рациональная рефлексия представляет собой познание объекта мышления с целью преобразования его в продукт и средство. Эмоциональная рефлексия (высшие эмоции) представляет собой установку на отношение к объекту, на переживание этого отношения. Объединение первой и второй шкал (горизонталь и вертикаль) представляет все сферы человеческого опыта в виде круга с шестью секторами: бытом, деловой и общественной жизнью, наукой, искусством и философией, а также в виде их ядра, символизирующего магию. В отношении характера объекта опытной деятельности автор относит рационализацию преимущественно к миру природы (предмет естественных наук), а эмоционализацию – преимущественно к социальным отношениям (предмет гуманитарных наук). Таким образом обнаруживается непосредственная связь между характером объекта опыта и характером направляемых на него действий.

Третья шкала имеет субъектное измерение. Автор называет ее диагональю опыта, эта диагональ репрезентирует в целостности опыта единство, отличие и взаимообусловленность социальных и индивидуальных аспектов опыта. Любой тип человеческой деятельности имеет две формы своего проявления: внутреннюю (интимную) и внешнюю (публичную). Эти две формы могут отличаться только в степени принадлежности лица к определенной социальной группе. Шкала опыта своими полюсами имеет две крайности – абсолютную индивидуальность и абсолютную социальность. Эти два полюса не могут быть представлены в своем абсолютном виде,

однако в каждом акте или типе деятельности один из этих типологических аспектов в определенной мере преобладает.

Несмотря на то, что социальное от индивидуального часто бывает трудно отличить, идея данной дихотомической шкалы дает возможность исследовать аспекты социального и индивидуального поведения. Сфера неформального социального поведения (среди друзей, в семье, а также, естественно, в автокоммуникации) гораздо ближе сфере индивидуально-психического опыта, чем сфера нормативного социального опыта (административная, политическая, деловая и другие типы деятельности). Наименее эксплицированными являются сенсорные, эмоционально-волевые и интеллектуальные процессы, поскольку они являются психо-физиологическими процессами. Наиболее эксплицированной деятельностью автор признает ту часть опыта, которая подвергается рационализации, формализации и автоматизации (например, автономные самоуправляемые системы).

Эти три шкалы и создают (образно говоря, создают в движении от определенного центра в высоту, ширину и глубину) сферу типологического опыта. Развитие человека в онтогенезе проявляется в разных направлениях по данным условным шкалам: по вертикали опыта – в осмыслении опыта, по горизонтали опыта – в увеличении рефлексирования своих рациональных и эмоциональных способностей, а по линии диагонали опыта – ко все большей социализации внешнего поведения и все большей интимизации психических проявлений. Таким образом, опыт оказывается представленным не только содержательно, но и в духе современных исследований и требований модельно-схематически, то есть наглядно.

В основе прагматического функционализма лежат две философские концепции: критический трансцендентализм И. Канта и прагматизм В. Джемса. Обе эти концепции признают, с одной стороны, существование опытной действительности (уже осуществленного опыта и пока еще только возможного опыта в будущем) и, с другой стороны, существование вне-опытной действительности (действительности невозможного опыта). Разнообразие реализованных и возможных подходов в исследовании этих типов действительности бесконечно. Любая концепция отличается от других прежде всего тем, что она определяет в качестве своего объекта. Наиболее часты философские теории, которые определяют своим объектом системные или полевые структуры. Автор данного исследования в основе своей теории достаточно нетрадиционно определяет понятие связи. В соответствии с этой исходной аксиомой элементарным объектом теории становится отношение, функция.

Анализируемая теория на первый взгляд как будто попадает в число традиционно критикуемых теорий безотносительного реляционизма.

Однако от такого определения данную теорию отмежевывает подчеркнута культурно-социологическая направленность исследования. Сам автор признает реляционизм не чисто онтологической, но структурно-онтологической концепцией. «Все, о чем мы в состоянии знать, мыслить, говорить, все, что мы в состоянии ощущать и понимать, представляет собой совокупность отношений» (с. 13). Однако в противовес тому, что утверждают критики реляционизма, все эти отношения, далеко не произвольны. Понятие связи является простым и тем не менее имеющим объяснительную силу в ряду других более сложных понятий, например, процесса, признака, объекта, системы и др. Понятие связи, однако, не является абсолютно простым и позволяет в нем вычленить феномен стороны. Примечательным является то, что стороной признается не только то, что вступает в связь (субстанция), но и сама процедура связи (процесс). С этим связано некоторое противоречие предыдущему рассуждению. Автор подчеркивает, что «... важна идея выведения частей из целого, а не наоборот» (с. 15). Представляется, что анализируемая концепция позволяет выводить как целое из части, так и часть из целого, а, кроме того, даже создавать эти части и само целое (подчеркиваем еще раз, что далеко не по своему субъективному произволу). Это является возможным, во-первых, потому, что теория размежевает уровни анализа, а во-вторых, теория постоянно соотносит теоретические построения с социальной практикой.

Сложно сказать, можно ли назвать инвариантные схемы и модели сознания субстанциями. Вероятно, это не является натяжкой. Автор по этому поводу уточняет, что нет никакого противоречия, если в качестве одной из сторон связи выделяется субстанция и одновременно утверждается, что никаких субстанций нет (см.: с. 15–16). Очевидно, понятие субстанции автором мыслится очень широко, так как в приводимых в данном месте цитатах Канта и Джемса речь идет, скорее, о сознании как о состоянии, а не о сознании как о субстанции. Следовательно, инвариантные признаки явления мыслятся (точнее, хранятся) субстанционально в состоянии сознания, но актуализируются вариативно в процессуальности мышления. Собственно, это и следует явно из самой логики концепции.

Основными формами бытия нашего опыта автор считает следующие категории: связь – отношение (субстанция – процесс) – взаимность – актуальный акт – событие – событийный ряд – деятельность. В опытной деятельности социального человека происходит онтологическое удвоение объекта: объект представляется как энергоматериальное явление и как информационное явление. Совокупность всех энергоматериальных событий автор называет природой, тем самым устанавливая зависимость природы от ее информационной оценки субъектом, то есть от опыта. Данное

положение является полностью кантианским. Следствием этого положения является то, что причинность становится категорией чисто субъективной.

Картину мира субъекта в совокупности составляют три формы существования информации – актуальная (динамическая), потенциальная (инвариантная) и результативная. Все семиотические системы (из которых наиболее универсальной является языковая) автор определяет как деятельность. Энергетические факторы являются естественным ограничением целесообразной (телеологической) деятельности человека. Виды деятельности, организующие энергетическую сторону деятельности человека, автором определяются как чувственный опыт, или предметная деятельность (энергоматериальный опыт). Виды деятельности, организующие информационную сторону деятельности, определяются как трансцендентальный опыт, или мыслительная деятельность (информационный опыт).

Наиболее общими понятиями функционального прагматизма являются понятия деятельности и опыта. Главным объяснительным принципом теории признается понятие функции. В соответствии с критерием социокультурного реляционизма действительность определяется как совокупность функциональных связей и отношений. Вполне в духе философии Канта автор не задается вопросом, чем является мир невозможного опыта, то есть, чем является мир вещей-в-себе (об этом невозможно судить), но задается вопросом, чем является феноменальный мир, то есть мир нашего возможного опыта. О мире мы можем судить либо на основании нашей предметной деятельности (энергоматериальная практика), либо на основании сведений о чувствах и знаниях других людей (социальная практика). Так появляются категории первичного опыта (сенсорно-чувственного) и метаопыта (рефлексии). Взаимозависимость субъекта и объекта автор называет онтологическим прагматизмом и определяет это как вторую онтологическую черту методологии (наряду с реляционизмом).

Третьим основополагающим принципом теории признается исключительно антропологический характер опыта. В этом отношении автор предлагает опыт (как всеобщую онтологическую сущность) назвать «объективной реальностью». Однако при этом оговаривается, что этот опыт может существовать только лишь как коллективный опыт. Автор постоянно подчеркивает культурно-социальный и коммуникативный характер опыта. Этим непосредственно определяется концепция личности как интериоризированного (свернутого) общества, или микросоциума. Человек – это минимальная и наиболее конкретная форма общества. Психофизиологическая индивидуальность субъекта становится социальной благодаря типичности воспроизводства взаимосвязанных единичных опытов.

Семиотическая деятельность является соединяющим звеном (одним из видов мыследеятельности) между двумя функциями опытной деятельности – предметной деятельностью и когнитивно-психической деятельностью. Многообразие функций языка автор обобщает до трех (которые являются как бы производными друг от друга): функция регулятивная, коммуникативная и экспрессивная. Структурный дуализм опыта состоит в разведении чувственной и трансцендентальной сторон деятельности. Это предполагает разграничение двух принципиально различных типов регулятивных функций опыта: внутренних (личностная сфера) и внешних (предметно-социальная сфера). Функциональный дуализм опыта (в отличие от структурного дуализма) состоит в разграничении потенциального опыта и актуального опыта. Вербальный опыт в целом определяется как функциональное отношение картины мира, системы языка и личностных интенций: «Отношение картины мира к вербальной коммуникации можно назвать языком (языковой системой), отношение языка и семиотической интенции к сигнальному потоку – речевой деятельностью, а функциональное отношение речевой деятельности к сигнальным манипуляциям – текстами» (с. 71).

Предложенный принцип сферической типологии опыта – это не просто очередной способ схематического представления традиционного и нового понимания опытной деятельности человека. Это, кроме того, на данный момент и способ оптимального разрешения многочисленных традиционных противоречий и даже тупиковых гносеологических представлений. Это способ разведения на надлежащие им места традиционно перемешанных и системно не упорядоченных понятий и категорий. В этом отношении важность предложенной методологии трудно переоценить.

Представленная в монографии О. Лещака теория акцентирует в себе (кроме того, и развивает) наиболее эвристические в познавательном отношении положения мировой философии, антропологии, психологии, семиотики, языкознания, социологии и других наук. Архитектурная стройность и прозрачность теории далеко не сразу заметны из-за обилия терминов и многообразия разрешаемых проблем. Но тем более ценна созданная в этом огромном многовекторном разнообразии стройность теоретической конструкции, которая в своей бескомпромиссности является достаточным вызовом для представителей (особенно предвзято настроенных в методологическом отношении) многих отраслей науки и философии.

Статья представляет собой анализ функционально-прагматических оснований теории семиотического опыта О. Лещака. Основным выводом является утверждение того, что данная теория представляет собой востребованную временем идиолектную теорию языка в противовес традиционным по преимуществу социологическим лингвистическим теориям.

*Michail Labaszczuk***THE IDIOLECTIC THEORY OF LANGUAGE**

In the present paper the language theory of O. Leshchak is presented as the pragmatic theory of language. This pragmatic theory is the idiolectic theory by its character. The language and the language activities had been analyzed as the part of the whole experience of subject. In the capacity of the ontological essence the language simultaneously is the reflection and the mean of regulation of experience, that is of social activity, work and semiotic thinking.